3.3(4Гем)кр
8а
Р617

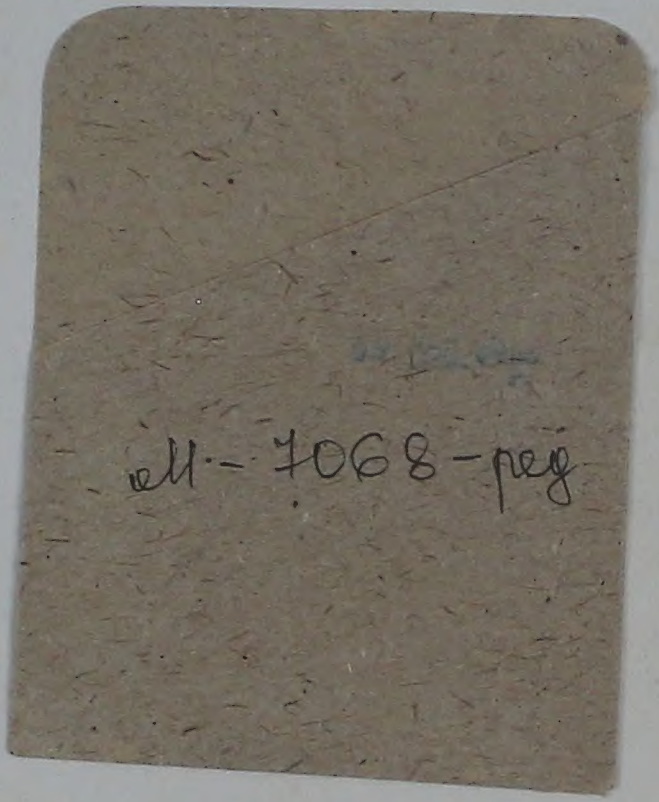
Родэ
Гауптман
и Нитше

8(09.7)
Р 60 г.и.н.

Редкая

8(09)
Р 60 г.и.н.

М-7068-ред

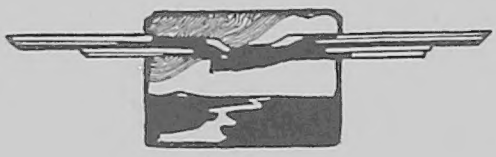


20859
ПЕНЗЕНСК. ОБЛ. ОБЛ. ИМ. М. Ю. ЛЕРМОНТОВА БИБЛИОТЕКА

РОДЕ ГАУПТМАН И НИЦШЕ

Пензенской общественной
Библиотеке имени М. Ю.
Лермонтова. 20859
Переводчики-
пензяки.

РОДЕ ГАУПТМАН И НИЦШЕ



2001 г. ФЕВ 2009

7068-ред

Пе... областная
БИБ... ТЕКА
им. М. Ю. Лермонтова

Дозволено цензурою. Москва, 29 января 1902 г.

83,3(4Гем) кр
Р617

Dr. phil. Альбертъ Родэ

ГАУПТМАНЪ и НИТЦШЕ

Къ объясненію „Потонувшаго колокола".

„O, there has been much throwing about of brains".
(„О, тамъ сильно метался умъ".)

20859.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА
Вс. Мейерхольда и А. Ремизова.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
Леонтьевскій пер., домъ № 5
1902

284031

Изданія В. М. Саблина.

Генрикъ Ибсенъ. Женщина съ моря. Цѣна 40 коп.
Артуръ Шницлеръ. Забава. Цѣна 50 коп.
Гергартъ Гауптманъ. Красный Пѣтухъ. Цѣна 60 коп.
Поль Эрвье. Пессимизмъ и современный театръ. Ц. 30 к.
Августъ Стринбергъ. Кредиторы. Цѣна 50 коп.
Родэ. Гауптманъ и Нитцше. Цѣна 40 коп.

Послѣдующее изложеніе пытается показать тѣсную связь, существующую между содержаніемъ мыслей „Потонувшаго колокола“ и философіей Фридриха Нитцше, въ частности между упомянутой драмой и сочиненіемъ философа „Къ генеалогіи Морали“. Разносторонняя солидарность между Гауптманомъ и Нитцше, способная освѣтить нѣкоторую неясность въ пьесѣ-сказкѣ, — въ концѣ концовъ, конечно, оставитъ неразрѣшенными еще нѣсколько важныхъ, по значенію, вопросовъ.

А. Родэ.

Гамбургъ, іюнь 1897.

Второе изданіе дополнено бо́льшимъ числомъ доказательствъ и снабжено введеніемъ, благодаря которому мысль „Потонувшаго колокола“,— надѣюсь, становится болѣе ясной черезъ сравненіе съ идеями Нитцше о высшемъ человѣкѣ Прилагаемое ниже небольшое стихотвореніе „Поэту“ пусть послужитъ нѣкоторымъ извиненіемъ за раздробленіе стиховъ, красота которыхъ, на мой взглядъ, такъ хорошо гармонируетъ съ глубиной философскаго содержанія.

А. Родэ

Гамбургъ, августъ 1897

ПОЭТУ.

Тамъ, гдѣ лишь тучи
Плывутъ надъ высью горъ,
Твоимъ напѣвомъ
Заслушался просторъ.

Тамъ онъ витаетъ,
Земнымъ долинамъ чуждъ,
Вдали отъ криковъ
Ихъ радостей и нуждъ.

Тамъ онъ витаетъ,
Откликнувшись въ лѣсахъ,
Тамъ ему внемлетъ
Орлица въ небесахъ.

Перевелъ Ю. Б

ВВЕДЕНІЕ.

По мнѣнію Нитцше пришло время, когда изъ рода человѣка—сообразно закону развитія, привѣтшему „отъ червя къ человѣку“—произойдетъ болѣе высшее существо, сверхчеловѣкъ. Но сверхчеловѣкъ есть „смыслъ земли“. Поэтому-то высшій человѣкъ, предтеча сверхчеловѣка, отказывается отъ всего сверхестественнаго, отъ всякой вѣры въ Бога и въ тотъ свѣтъ. Онъ презираетъ все, что люди называли счастіемъ, такъ напримѣръ, внѣшнее удобство жизни, миръ семьи и государства, славу и честь, даже пытливую склонность знанія. Для высшаго человѣка законъ нравственности не имѣетъ никакой обязательности. Самодержавно творитъ онъ себѣ свою собственную мораль, въ которой состраданіе и любовь къ ближнему не имѣютъ мѣста. Высшій человѣкъ строитъ домъ сверхчеловѣку и приготовляетъ для него землю, флору и фауну (Заратустра, Предисловіе 4). Онъ живетъ далекимъ будущимъ, видя въ немъ скрытую „Страну

дѣтей“ *). Такъ любитъ онъ жизнь, т. е. жизнь, какъ онъ ее понимаетъ. Его высочайшая мысль такова: „человѣкъ есть нѣчто такое, что должно быть преодолено“, и онъ жертвуетъ себя этой мысли. „Себя самого приношу я въ жертву любви моей и моего ближняго, равнаго мнѣ“,—такъ говорятъ всѣ творящіе. Но всѣ творящіе тверды. (Заратустра II. О сострадающихъ).

Прежде чѣмъ „высшій человѣкъ“ или „творящій“ найдетъ свою дорогу, вотъ что говоритъ ему Заратустра:

„Хочешь ты, братъ мой, итти въ уединеніе?... Повремени немного и выслушай меня.

— Кто ищетъ, тотъ самъ легко заблуждается: всякое уединеніе—грѣхъ, — такъ говоритъ стадо. И ты долго принадлежалъ стаду.

Голосъ стада будетъ еще долго звучать въ тебѣ. И если ты скажешь: „у меня нѣтъ больше единой съ вами совѣсти“, то это будетъ жалобой и болью.

Смотри, эту самую боль произвела единая совѣсть: и послѣдній слабый свѣтъ этой совѣсти блеститъ еще на твоей печали...

Являешься ли ты новой силой и новымъ правомъ?...

---

*) Съ этимъ ср. стихи „Потонувшаго колокола“ (12-е Нѣмецкое изданіе, стр. 77) со словъ: „чувствуешь ты западный вѣтеръ...“

Страшно быть наединѣ съ судьей и мстителемъ собственнаго закона. Такъ будетъ брошена звѣзда въ пустое пространство и въ ледяное дыханіе одиночества...

Будетъ время, ты не увидишь больше своего высшаго, а низшее станетъ тебѣ близкимъ; твое возвышенное само устрашитъ тебя, какъ призракъ. „Все ложно!“ воскликнешь ты когда-нибудь...

Есть чувства, которыя хотятъ убить одинокаго; не удастся имъ это, ну, тогда сами онѣ должны умереть...

Несправедливость и грязь бросаютъ они въ одинокаго: но, если ты хочешь быть звѣздою, братъ мой, ты не долженъ свѣтить имъ за это меньше...

Но злѣйшій врагъ, котораго ты можешь встрѣтить, будешь всегда ты самъ себѣ, ты самъ подстерегаешь себя въ пещерахъ и лѣсахъ!“ (Заратустра I. О пути творящаго).

Послѣдующее изложеніе намѣрено представить доказательство того, что Герхартъ Гауптманъ въ литейщикѣ колоколовъ Генрихѣ изобразилъ творящаго въ смыслѣ Заратустры, творящаго, который погибаетъ отъ самого себя, который самъ былъ своимъ наибольшимъ врагомъ, такъ какъ онъ еще не убилъ своей совѣсти.

Художники „во всѣ времена были лакеями какой-нибудь морали или философіи, или религіи, помимо того, что они, къ сожалѣнію, довольно часто были слишкомъ расторопными прислужниками своихъ почитателей и меценатства и пронырливыми льстецами старыхъ или вновь восходящихъ властей. По крайней мѣрѣ, всегда они нуждаются въ извѣстной защитѣ, протекціи, въ утвержденномъ уже авторитетѣ. Художники никогда не ручаются за себя, самостоятельность противорѣчитъ ихъ глубочайшему инстинкту. Такъ, напримѣръ, Рихардъ Вагнеръ, „когда настало время", выбралъ своимъ руководителемъ, своей защитой, философа Шопенгауера..." *) Такъ и Герхартъ Гауптманъ—присоединяемъ мы при этомъ, — беретъ своимъ руководителемъ (въ „Потонувшемъ колоколѣ") философа Нитцше.

---

*) Фридрихъ Нитцше. „Къ генеалогіи морали". (2 нѣмецкое изданіе, стр. 103.)—Дальше заглавіе этой книги сокращается такъ Н. Ген.

Когда авторъ „Ткачей“ прогремѣлъ „Потонувшимъ колоколомъ“, не у одного, навѣрно, возникъ вопросъ: „что значитъ, когда художникъ дѣйствуетъ въ противоположность себѣ?“ (Н. Геп., 98). Не согласенъ ли Гауптманъ съ Нитцше въ томъ, что великій драматургъ, „какъ каждый художникъ, впервые тогда только взойдетъ на конечную вершину своего величія, когда сумѣетъ увидѣть себя и свое искусство подъ собой когда сумѣетъ смѣяться надъ собой? Является ли (Потонувшій колоколъ Гауптмана *) его дивнымъ смѣхомъ превосходства надъ самимъ собой, тріумфомъ достигнутой имъ крайней высочайшей свободы художника, независимости художника?“ (Н. Геп., 100). Да, Гауптманъ, дѣйствительно позналъ, что „современный истинный художникъ всегда отдѣляется отъ „реальнаго“, отъ дѣйствительности“. (Н. Геп., 102).

Преимущество колокола съ полнымъ звукомъ передъ неблагозвучнымъ, разбитымъ, несомнѣнно, въ тысячу разъ большее (Н. Геп., 134). Мастеръ Генрихъ понимаетъ это: „Я знаю, что имъ (т. е. желѣзнымъ колоколамъ) не хватаетъ самаго главнаго, у каждаго изъ нихъ есть трещина“. („Потонувшій колоколъ“,

*) У Нитцше: Парсифаль Вагнера.

стр. 33 *). И мастеру Генриху ясно слѣдующее: „для того, чтобы могло быть воздвигнуто одно святилище, другое должно быть разрушено“. (Н. Ген., 91).

Мастеръ Генрихъ покидаетъ жену и дѣтей, думая про себя: „узко стѣснена жизнь дома, въ этомъ пріютѣ для нечистоты“. (Будда, цитируется у Нитцше, Ген., 110—111).

Мастеръ Генрихъ лежитъ въ лихорадочномъ бреду, полный страсти совершить дѣло силой высшаго вдохновенія. Что бы съ нимъ было, если бы его мечта осуществилась? „Здоровую силу, говоритъ онъ самому себѣ, долженъ я чувствовать въ сердцѣ, мощь въ рукахъ, желѣзо въ жилахъ и безумную радость побѣдителя, чтобы создать новое, неслыханное дѣло“. (П. к., 67). И здоровье, и сила, и радость побѣдителя были у него. Быть можетъ, мастеръ Генрихъ „освобожденный человѣкъ“ философа? Какимъ рисуется ему духъ, который принесъ бы освобожденіе? „Духъ, укрѣпленный борьбой и побѣдой“... (Н. Ген., 92). Мастеръ Генрихъ говоритъ: „борьба освѣжаетъ грудь, побѣда закаляетъ... Борьба не утомляетъ; борьба удесетеряетъ силу“ (П. к., 135)

*) Цит. по 12-му нѣмецкому изданію. Дальше заглавіе драмы-сказки сокращается такъ: П. к.

„тѣмъ, кому завладѣніе, приключеніе, опасность, даже боль, все сдѣлалось потребностью... и это необходимо было такому выдающемуся здоровью“. (Н. Ген., 92).

„Пускай придутъ они... всѣ эти безымянные враги“ *). (II. к., 123).

„Мука такъ близка, какъ будто счастію родная“ *). (II. к., 29)

„Весь полонъ силъ— стоитъ онъ тамъ, какъ стройный, молодой, могучій букъ“. (II. к., 95).

Себя самого сравниваетъ мастеръ съ цвѣтущимъ деревомъ (II. к., 99). „Безчисленные собиратели меда, жужжа, распутно вьются вокругъ душистыхъ цвѣтовъ дерева. Я чувствую, что подобенъ этому дереву. Въ душу мою, какъ въ вѣтви этого дерева, спустился Богъ-Фрей, чтобы она внезапно вспыхнула цвѣтами. Гдѣ пчелы жадныя? Пусть прилетятъ“. Въ предисловіи къ „Генеалогіи морали“ говорится: „наше богатство тамъ, гдѣ — роевые улья нашего познанія. Какъ настоящія крылатыя и собиратели меда (духа), мы всегда готовы мимоходомъ... что-нибудь собрать“ (Н. Ген., III).

*) Слова мастера Генриха.

Освобожденный человѣкъ—человѣкъ великой любви (Н. Геп. 93). Генрихъ говоритъ про себя: „Я — весь любовь, любовью обновленъ“... (П. к., 107) и „Мое существо не знаетъ ни о чемъ, какъ только о любви“. (П. к., 129).

Но освобожденный человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкъ презрѣнія (Н. Геп., 93). Презрѣніе слышится, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ мастера: „Посмѣйте, попробуйте! Будь то пасторъ, цирульникъ, учитель, кистеръ или лавочникъ, первый, кто осмѣлится войти наверхъ, покатится въ пропасть, какъ мѣшокъ съ пескомъ... Сволочь, шарлатаны, попрошайки, оборванцы!.. Лжецы, ханжи! Вы, какъ дамба изъ твердаго камня, оградили безводный адъ вашей низости отъ божественнаго моря, отъ райскаго потока, отъ его священныхъ волнъ“. (П. к., 158). Или—въ концѣ третьяго акта: „Но вотъ случилось такъ, что тотъ, кто, въ самообманѣ и неистовствуя въ слѣпой ненависти, раздражается противъ меня, невиннаго виночерпія, какимъ я былъ, такъ, что грязь мрака враждебно опутываетъ свѣтъ моей души и пачкаетъ меня. Но я... я знаю, чего хочу и что могу. И, такъ какъ я уже не мало разбилъ колокольныхъ формъ, когда-нибудь еще разъ подниму я молотъ и мастерскимъ ударомъ въ прахъ разобью колоколъ, вылитый изъ надменности, злобы, желчи и всего дурного, вылитый искусствомъ черни, быть можетъ,

для того, чтобы возвѣщать глупость". (П. к., 109—110).

„Будущій" является далѣе „творческимъ духомъ, побудительная сила котораго всегда снова влечетъ его изъ этой и изъ той стороны". (Н. Ген., 93). Въ эту и въ ту сторону тянется иногда и мастеръ Генрихъ. Про эту сторону онъ такъ говоритъ: „возбужденіе и самоувѣренность часто пропадаютъ, часто сжимается грудь, взоръ утомляется, ясный образъ души исчезаетъ: не лишиться этого небеснаго дара, душистаго, какъ солнце, не лишиться среди мелочей рабской повседневности, какъ это трудно!" (П. к., 125). Но съ той стороны взываетъ къ нему голосъ: „Оставь! Напрасно борешься ты, — вѣдь, ты борешься съ Богомъ! Богъ вызвалъ тебя на борьбу съ собой; но вотъ отвергъ тебя, потому что ты слабъ!.. Всѣ твои жертвы напрасны: вина останется виной, не вынудить тебѣ благословеніе Бога, не превратить вину въ заслугу, наказанье въ награду..." (П. к., 120; слова воляного).

„Будущій" — тотъ, „обособленность котораго превратно понимается народомъ, какъ будто она является проклятіемъ передъ дѣйствительностью..." (Н. Ген., 93). Пасторъ, въ лѣсномъ уединеніи, говоритъ

Генриху: „Человѣкъ, проснись же, наконецъ! Проснись! Вы грезите“... (П. к., 105).

„.... оно (т. е. это одиночество) является только его погруженіемъ, закапываніемъ, углубленіемъ въ дѣйствительность, чтобы когда-нибудь изъ одиночества, если онъ снова придетъ въ свѣтъ, принести этой дѣйствительности освобожденіе: освободить ее отъ проклятія, наложеннаго существующимъ до сего времени идеаломъ“. (Н. Ген., 93). Въ дѣйствительность, естественную жизнь горнаго лѣса (объ этомъ смотри ниже!) погрузился, закопался, углубился мастеръ. И онъ освободитъ эту дѣйствительность. Раутенделейнъ кричитъ лѣшему: „Ты звѣрь, бродяга! Я ослѣплю тебя, коль ты еще будешь ругать избраннаго человѣка. Когда среди ночи раздаются удары его молота, знай, это онъ борется за освобожденіе васъ отъ проклятія. (Если онъ, конечно, какъ Нитцше въ своихъ „сумеркахъ боговъ“ „философствуетъ съ молотомъ“). Иль вы не знаете, что подъ проклятіемъ находитесь и вы, и мы, и все, что существуетъ здѣсь“. (П. к., 91).

„Этотъ человѣкъ будущаго, который также освободитъ насъ отъ существующаго до сего времени идеала...“ (Н. Ген., 93). Этотъ идеалъ связанъ съ идеаломъ церкви. Мастеръ такъ выражаетъ свое же-

ланіе: „пусть оно (его новое твореніе) заставитъ грознымъ звукомъ трубъ замолкнуть колокола всѣхъ церквей“. (П. к., 103).

„... какъ и отъ того, что должно было вырости изъ него, отъ великаго отвращенія, отъ воли къ ничто, отъ нигилизма“. (Н. Ген., 93). Въ ледъ превратило это отвращеніе человѣческую грудь. Нитцше говоритъ о ледяномъ „нѣтъ“ отвращенія къ жизни. (Ген., 54). Предчувствуя день освобожденія, Генрихъ говоритъ: „... тогда растаетъ ледъ (и ненависть, и злоба) въ каждой человѣческой груди...“ Самоотреченіе, самопожертвованіе, говоритъ Нитцше, направляютъ волю противъ жизни, ведутъ къ нигилизму (ср. Н. Ген. IX—X). Поэтъ называетъ это событіе смертью Спасителя. Въ тотъ день, который принесетъ освобожденіе отъ воли къ ничто, снова проснется мертвый Спаситель. „Такъ подступаемъ всѣ мы ко кресту и, въ слезахъ еще, ликуемъ тамъ, гдѣ мертвый Спаситель, наконецъ-то освобожденный силой солнца, распрявляетъ свои члены и, сіяя, смѣясь, нисходитъ, полный юности вѣчной, какъ юноша въ майскіе дни“. (П. к., 104).

Философъ продолжаетъ:

„Этотъ полуденный ударъ въ колоколъ, ударъ великаго рѣшенья, снова освобождаетъ волю...“ (Н.

284031
4068.129
Вс... областная
Б... ТЕКА
им. М. Ю. Лермонтова

Ген., 93). Въ день освобожденія новый колоколъ мастера грозно провозгласилъ освобожденіе свѣта. „О, день свѣта“, восклицаетъ онъ вдохновенно, „когда впервые раздался утренній громъ, когда изъ тучи, въ теченіе всей зимы тяготѣвшей надъ нами гнетомъ, низвергается потокъ сокровищъ, къ которому тянутся милліоны оцѣпенѣвшихъ рукъ...“ (П. к., 103).

„... кто возвращаетъ землѣ ея цѣль и человѣку его надежду“. (Н. Ген., 93). О возвращенной, безсознательно дремлющей цѣли, о возвращенной надеждѣ говорятъ слѣдующія слова: „ну вотъ звучитъ мой чудный колокольный звонъ, въ сладостныхъ, пылкосладостныхъ, соблазнительныхъ звукахъ, такъ что каждая грудь рыдаетъ отъ повѣвшей радости: то поется пѣсня, потерянная, забытая, пѣснь родины, любимая пѣсня дѣтей, почерпнутая изъ глубокаго источника сказокъ, извѣстная каждому, и вмѣстѣ съ тѣмъ еще неслыханная“. (П. к., 104).

„Этотъ антихристъ и антинигилистъ, этотъ побѣдитель Бога и ничто,—онъ долженъ когда-нибудь явиться“. (Н. Ген., 93).

Является ли мастеръ Генрихъ этимъ Мессіей? Нѣтъ. Въ концѣ драмы видимъ мы его „совсѣмъ безпомощнымъ, полнымъ горя“ (П. к., 162). Конечно, онъ былъ

силенъ, „но не достаточно силенъ“. Виттиха говоритъ ему: „тебя призвали, да только не избрали“. (П. к., 164). Какъ школьникъ, бѣжалъ онъ отъ дѣла и свое послѣднее величайшее твореніе разбилъ онъ собственными руками, конечно, не изъ боязни передъ пасторомъ, цирульникомъ или школьнымъ учителемъ—къ нимъ онъ испытываетъ громадное отвращеніе,—но временами одолѣваемый раскаяніемъ, состраданіемъ къ женѣ и дѣтямъ. Теперь онъ жаждетъ „ночи: въ ней все разлетится“. Кто подастъ ему послѣдній изъ трехъ кубковъ—кубокъ смерти, того благословитъ онъ. „Ночь длинна“—вотъ его послѣднія слова, въ нихъ его завѣщаніе, его послѣдняя воля. „То, что страшитъ—говоритъ Нитцше—что рѣшаетъ, какъ никакой другой рокъ, это не великій страхъ, но громадное отвращеніе къ человѣку или великое состраданіе къ нему. Такъ, если бы эти оба чувства сходились, въ мірѣ тотчасъ же наступило бы нѣчто ужасное: „послѣдняя воля“ человѣка, его воля въ ничто, нигилизмъ“.

Однако, въ полной, здоровой, сильной радости творчества видимъ мы мастера Генриха еще разъ. Освободившись отъ „позорной болѣзни“, вотъ какой тостъ посвящаетъ онъ своимъ посѣтителямъ: „теперь въ глубочайшемъ значеніи слова пью я за здоровье мое, твое и ваше!“ (П. к., 98). О томъ, что

болѣзнь есть норма обыкновеннаго человѣка, что болѣзнь есть стыдъ, что только у высшаго человѣка можетъ итти рѣчь о здоровьѣ, у Ницше говорится на стр. 130—135 той же книги.

Но „больные являются наибольшею опасностью для здоровыхъ“. (Н. Ген., 130). Въ особенности пасторъ-аскетъ, „къ услугамъ котораго цѣлая стая дикихъ собакъ въ образѣ человѣка“. „Хриплый злой лай болѣзненныхъ собакъ пытается проникнуть въ глубочайшія нѣдра науки“. (Н. Ген., 133). Онѣ и мастера Генриха не хотятъ оставить въ покоѣ. Водяной нашептываетъ ему: „Лай стал очень скоро коснется твоего слуха: она чуетъ дичь“. (П. к., 121). И Раутенделейнъ говоритъ: „Ты слышишь, Генрихъ? Люди, людскіе голоса, отвратительные звуки, они касаются тебя“. Генрихъ отвѣчаетъ на это: „Мнѣ снилась стая, травившая меня. И вотъ ее я слышу, но ей меня не затравить. Лай ея явился кстати! Этотъ звукъ отвратительнаго вытья способенъ убѣдить меня въ значеніи и высокой цѣнности моего дѣла лучше, чѣмъ внизъ спорхнувшій ангелъ, побуждающій къ твердости сладостными мольбами“. (П. к., 131).

Пасторъ, естественно, никто иной, какъ аскетическій священникъ, этотъ „ужасный врагъ“ (Н. Ген., 123), вождь больныхъ и слабыхъ. Ему слѣдуютъ

школьный учитель и цирульникъ, т.-е. пошлая наука и филистерство. „Здѣсь ненавистенъ видъ побѣдоноснаго“. (Н. Ген., 130). Объ этомъ пасторъ говоритъ мастеру: „Ваше дѣло, тайное и языческое, не скрыто отъ насъ, оно возбуждаетъ ужасъ и порождаетъ къ вамъ ненависть“. (П. к., 109).

„И какая неискренность: эту ненависть не признавать ненавистью“. (Н. Ген., 130) Пасторъ: „Мнѣ жаль,—я охотно скрылъ бы это отъ васъ“. (П. к., 106). „. . . какъ вѣрно то, что я стою предъ вами, я пришелъ сюда не потому, что жажду посмотрѣть на ваши чудеса, нѣтъ, я пришелъ помочь вамъ въ вашей нуждѣ“. (П. к., 105).

Какой потокъ высокихъ словъ и аффектацій, какое искусство „праведнаго“ оклеветанія. (Н. Ген., 130). Пасторъ: „Я—человѣкъ прямой, рожденный землей, въ дѣлахъ высокихъ знаю мало толку. Одно извѣстно мнѣ — а вы теперь забыли это — что̀ право, что̀ неправо, что̀ зло и что̀ добро“. (П. к., 106). Или немного ниже (стр. 107): „Здѣсь я стою передъ вами, мастеръ, все еще потрясенный ужасной жестокостью вашего сердца. Да, долженъ сознаться, злому врагу подъ маской божьей удалась здѣсь такая шутка, какая никогда ему не удавалась“.

„Какъ они жаждутъ быть палачами“. (Н. Ген., 130). Пасторъ: „Колдуній жжетъ костеръ, онъ жжетъ и еретиковъ теперь, какъ прежде“... „Можетъ случиться, что возмущеніе невозможно будетъ дольше обуздать, что народъ, оскорбленный вами въ своей святая святыхъ, соберется къ защитѣ, налетитъ на вашу мастерскую и разнесетъ ее безъ милосердія!“ (П. к., 109).

Такъ „аскетическому священнику“ служатъ „тайна пытокъ, изобрѣтательность самого ада“. (Н. Ген. 157).

На „благочестивыхъ людишекъ“ Нитцше смотритъ такъ (Ген., 161): „они лелѣютъ свое личное, свои глупости, печаль и мелочныя заботы, какъ будто бы вся „сущность“ обязана считаться съ ними; они, не утомляясь, впутываютъ самого Бога въ ничтожнѣйшія скорби, въ которыхъ сами сидятъ по уши“.

Съ этимъ сравните слова мастера Генриха: „Оборванцы! Ночей тридцать визжите вы молитвы изъ-за пропавшаго гроша“... (П. к., 158).

Сначала мастеръ Генрихъ служилъ пастору („аскетическому священнику“), служилъ больнымъ и слабымъ, самъ будучи однимъ изъ таковыхъ. Онъ работалъ въ долинѣ, въ морѣ тумана. И поэтому ни одинъ изъ его колоколовъ не могъ звучать въ горахъ. Вскарабкавшись же на высоты, упавшій въ озеро коло-

колъ онъ называетъ „послѣднимъ плодомъ своего искусства и силы“, „плохимъ созданіемъ“.(П.к.,66).

„Услужливость художника аскетическому идеалу есть собственное крушеніе художника“. (Н. Ген., 171)

Пробужденный феей Раутенделейнъ къ новой силѣ и здоровью, мастеръ Генрихъ отказывается отъ того идеала и тѣмъ спасаетъ себя отъ такого крушенія. И куда онъ отправляется? Въ пустыню, въ горный лѣсъ, ближе къ морю, къ земнымъ духамъ и всевозможнымъ животнымъ. Въ Ген. (стр. 115) Нитцше говоритъ о пустынѣ, въ которую удаляются сильные духомъ: она является, между прочимъ, „соприкосновеніемъ съ веселымъ міромъ животныхъ и птицъ, здѣсь—сообщество горъ, горъ не безжизненныхъ; озера отражаютъ въ себѣ, какъ въ душѣ“.

—

Въ такой обстановкѣ живетъ „творящій“ мастеръ. Какое значеніе имѣетъ это наименованіе у Нитцше, достаточно явствуетъ изъ введенія. „Творящимъ“ высказывается мастеръ во второмъ актѣ (стр. 67): „Если я только когда-нибудь воскресну, какъ хотѣлось бы мнѣ еще разъ вступить въ эту жизнь, еще желать, надѣяться, стремиться, рисковать—и творить, творить“. Чертой передъ послѣднимъ словомъ и повтореніемъ его Гауптманъ особенно подчеркиваетъ значеніе именно этого слова. Но пусть самъ Геп-

рихъ дастъ намъ разъясненіе смысла! За свою возлюбленную жизнь, за свою Раутенделейнъ пьетъ онъ, говоря: „Творящій“, поссорившійся съ тобой, долженъ пасть отъ жажды, онъ не въ силахъ побороть земную тяжесть“. (II. к., 135).

Кто же Раутенделейнъ? По собственному указанію поэта: она — „изъ рода эльфовъ“. Но эльфы, по происхожденію своему, являются представителями элементарныхъ силъ природы, земли. Къ роду Раутенделейнъ принадлежатъ: старая Виттиха, водяной, лѣшій, другіе эльфы, гномы и т. д. Кто вступаетъ въ ихъ среду, тотъ возвращается къ природѣ, къ землѣ. Мастеръ Генрихъ пришелъ къ познанію того, что высказываетъ Нитцше въ Ген. (стр. 92): „Человѣкъ слишкомъ долго „зло“ смотрѣлъ на свои естественныя наклонности“. „Сверхчеловѣкъ есть смыслъ земли. Пусть ваша воля скажетъ: сверхчеловѣкъ долженъ быть смысломъ земли. Заклинаю васъ, братья мои, оставайтесь вѣрны землѣ и не вѣрьте тѣмъ, кто говоритъ вамъ о сверхземныхъ надеждахъ!... Ненавистники жизни они“.... (Н., Заратустра, предисловіе 3).

Виттиха знаетъ проповѣдь тѣхъ ненавистниковъ: „Знаю, знаю, чувство—грѣхъ. Земля это гробъ, а голубое небо—крышка. Міръ погибъ бы, еслибы не было пасторовъ“... (II. к., 34).

Возвращеніе къ земной жизни является главнымъ содержаніемъ мудрости мастера Генриха. Эту жизнь и эту мудрость находитъ онъ соединенными въ Раутенделейнъ, въ этой прекрасной дѣвѣ ручья. „Здѣсь на высотахъ нахожу я для себя источникъ радости!“ — восклицаетъ Заратустра. (II. О толпѣ). И онъ взываетъ къ своимъ друзьямъ: „Взгляните вашими чистыми взорами въ источникъ моей радости!... Улыбкой онъ долженъ отвѣтить вамъ своею чистотой“. Подобнымъ же образомъ, какъ припомнитъ читатель, отвѣчаетъ улыбкой изъ колодца собственное изображеніе Раутенделейнъ.

Изъ „плясовой пѣсни“ узнаетъ Заратустра, что его возлюбленной, его мудростью является никто иная, какъ сама жизнь. Еслибы кто-нибудь усомнился въ томъ, что Раутенделейнъ представляетъ изъ себя копію этой подруги Заратустры, пусть обратитъ вниманіе, что Раутенделейнъ является намъ, когда она „расчесываетъ свои густые красно-золотые волосы“ (П. к., актъ I), и что мудрость „часто проводитъ гребнемъ противъ волосъ“ (Н., Ген.).

Можетъ быть, къ Раутенделейнъ примѣнима также характеристика мудрости. Мудрость говоритъ про себя: „Я измѣнчива, дика, я женщина во всемъ, и совсѣмъ не добродѣтельна“. Дальше говорятъ про нее: „Ее жаждутъ и ею не насыщаются, ее ловятъ сѣтью... Прекрасна она? Развѣ я знаю? Даже самымъ опыт-

нымъ карпамъ (какъ старому водяному Раутенделейнъ) служитъ она приманкой.... Измѣнчива она и упряма.... Можетъ быть, она зла и лжива.... И когда она принижаетъ себя, тогда то она больше всего соблазняетъ". Вотъ какъ говоритъ о себѣ Раутенделейнъ, когда она совершенно покоряетъ мастера Генриха:

„Я — злая; когда озлюсь, царапаюсь и больно кусаюсь; и кто меня разсердитъ, о, тотъ берегись! Когда меня не раздражаютъ, не лучше и тогда: я зла и добра смотря по прихоти, то такъ, то сякъ, какъ шапочка надѣта.... Я упряма, капризна, лѣнива, совсѣмъ непослушна, коварна... (П. к., 75).

„Въ твои очи заглянулъ я недавно, о жизнь!" — поетъ Заратустра. „И, казалось, потонулъ въ неизмѣримой глубинѣ." Когда Генрихъ погружается въ глубокую дремоту, изъ которой онъ потомъ проснется къ новой жизни, вотъ его послѣднія слова къ Раутенделейнъ: „Все же я вижу тебя и"...

Съ этими словами Генрихъ теряетъ сознаніе.

Конечно, полуночный колоколъ, звуки котораго изъ глубины слышитъ Заратустра, нѣсколько иной, чѣмъ твореніе долины мастера Генриха. Прислушаемся къ тому таинственному звону!

„И какъ только становилось тихо кругомъ и таинственно, изъ глубины медленно поднимался звонъ колокола".

„Вы, — высшіе люди, приближается полночь: я хочу кое-что прошептать вамъ, какъ тотъ старый колоколъ шепчетъ мнѣ на ухо—

Такъ чудесно, такъ ужасно, такъ сердечно, какъ тотъ полуночный колоколъ говоритъ мнѣ, онъ — переживши болѣе, чѣмъ человѣкъ....

О! Какъ вздыхаетъ онъ, какъ смѣется во снѣ!....

Сладчайшая лира, сладчайшая лира! Я люблю твой звукъ, твой опьяняющій русалачій звукъ! Какъ протяжно, какъ медленно плывутъ твои звуки ко мнѣ, вдаль, изъ пруда любви!

Ты, старый колоколъ! Ты, сладчайшая лира! Каждая скорбь вонзается въ сердце тебѣ, скорбь отца, скорбь предковъ, скорбь родоначальниковъ"... (Ницше. Заратустра IV, Опьяняющая пѣснь).

Изъ пруда любви, конечно, поднимается также колокольный звонъ мастера Генриха къ его высотамъ, съ жалобнымъ звукомъ, съ материнскою скорбью. Но, какъ уже сказано, это твореніе долины въ остальномъ не имѣетъ ничего общаго съ полуночнымъ предвозвѣстникомъ Заратустры.

Впрочемъ, и послѣдній возвѣщаетъ смерть Заратустрѣ. „Есть старый тяжелый, тяжелый дребезжащій колоколъ; рокотаніе его по ночамъ доносится до твоей пещеры: — слышишь ты этотъ полуночный ко-

локолъ, когда онъ выбиваетъ время? Пока онъ бьетъ удары полуночи, ты думаешь о немъ. О, Заратустра, я знаю, ты скоро покинешь меня!" (Заратустра III, вторая плясовая пѣснь).

Сопоставимъ слова водяного: „О, горе тебѣ, если голосъ его снова зазвучитъ для тебя! Бимъ! Бомъ! Помоги тебѣ Богъ въ твоемъ снѣ! Бимъ! Бомъ! Страшный и тяжелый звонъ, какъ будто полонъ смерти! Бимъ! Бомъ! Помоги тебѣ Богъ въ твоемъ снѣ!" (П. к., 122).

Въ заключеніи еще одна аллегорія драмы и ея объясненіе съ готовымъ ключемъ для разгадки!

Генрихъ хочетъ еще разъ увидѣтъ Раутенделейнъ. Чтобы желаніе его могло осуществиться, Виттиха предлагаетъ ему три кубка вина: одинъ кубокъ съ бѣлымъ виномъ, другой съ краснымъ, третій съ желтымъ. Первый долженъ еще разъ одушевить Генриха старой силой, второй въ послѣдній разъ дастъ ему тотъ свѣтлый духъ, который его покинулъ; но кто выпилъ первыхъ два губка, тотъ долженъ осушить и третій. Что означаютъ цвѣта вина: бѣлый, красный и желтый? Отвѣтъ — въ главѣ о духѣ тяжести (Заратустра III), гдѣ Нитцше говоритъ: „Густой желтый цвѣтъ и горячій красный: этого требуетъ мой вкусъ, мѣшающій кровь во всѣ краски. Окрашивающій свой домъ въ бѣлый цвѣтъ выдаетъ свою безцвѣтную душу".

„Одни влюбляются въ мумій, другіе въ призраки,

и оба одинаково враждебны всякому тѣлу и крови. О, какъ противны мнѣ тѣ и другіе! Ибо я люблю кровь".

Бѣлое вино, поэтому, есть вино тѣхъ, которые влюблены въ призраки, или говоря безъ метафоръ: оно означаетъ еще вѣрующій въ Бога міръ. Въ немъ дѣйствовалъ мастеръ своей старой силой, поэтому она возвращается съ бѣлымъ виномъ. Красное вино — тѣло и кровь, красенъ брызжащій силой сверхчеловѣкъ. поэтому красное вино вызываетъ Раутенделейнъ это воплощеніе великаго здоровья земли. Теперь остается еще желтое, вино мумій, оно — носитель смерти. Его даетъ сама Раутенделейнъ. „Такъ какъ вся радость хочетъ самое себя, она хочетъ также сердечнаго горя! О счастіе, о скорбь! Разбей сердце Вы, высшіе люди, научайтесь же, радость хочетъ вѣчности, радость хочетъ вѣчности всему, хочетъ глубокой, глубокой вѣчности!" (Заратустра IV, Ослиный Праздникъ).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ своемъ „Потонувшемъ колоколѣ“ Гауптманъ изображаетъ судьбу высшаго человѣка, который чувствуетъ въ себѣ призваніе къ сверхчеловѣку. Долго жилъ онъ и дѣйствовалъ, служа (слабому и больному) человѣчеству и его идеалу („аскетическому“ идеалу), одинъ изъ первыхъ служа сверхземному Богу, высокопочитаемый и, по временамъ, высокосчастливый среди жены и дѣтей. Но въ немъ постепенно созрѣваетъ сознаніе превратности и негодности такой жизни и такого творчества. (Первый актъ).

Послѣ тяжелаго кризиса, который частью уже изображенъ въ первомъ актѣ, пелена спадаетъ съ его глазъ, онъ познаетъ новый высшій идеалъ и выздоравливаетъ въ немъ. Но этотъ новый идеалъ есть возвращеніе къ земному. Существа земли появляются намъ уже въ первомъ актѣ — въ образахъ земныхъ духовъ. Возвращеніе мастера къ земному символически выражается его любовью къ Раутенделейнъ. (Второй актъ).

Мастеръ покидаетъ жену и дѣтей, такъ какъ „для познающаго нѣтъ никакихъ обязательствъ“ (Н. Геп., 145), и удаляется на высоты, въ уединеніе, чтобы дать новому идеалу произрасти въ немъ и усовершенствоваться. Преслѣдованіе со стороны людей изъ долины пробуждаетъ въ немъ великое отвращеніе. (Третій актъ).

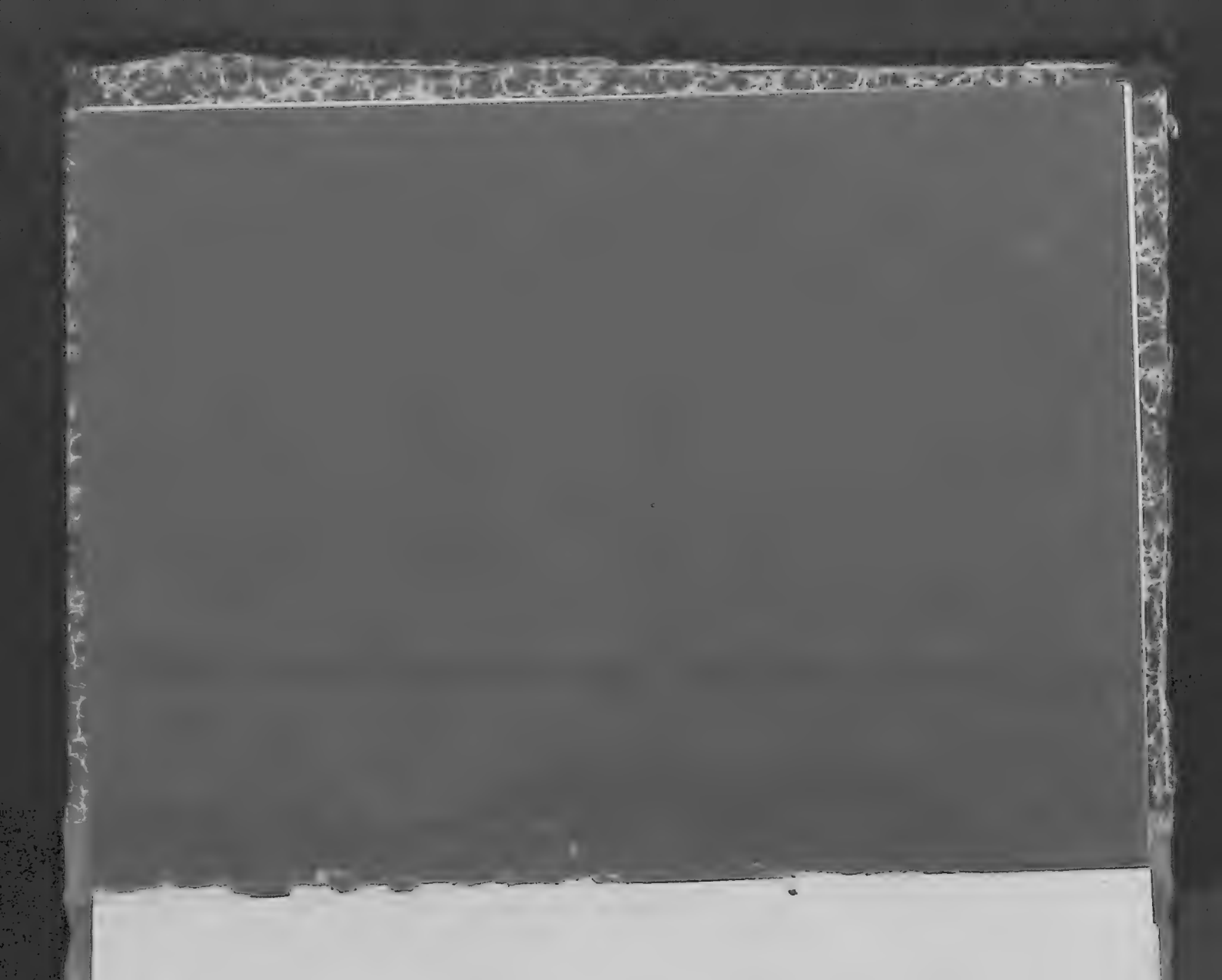
Скоро, однако, Генрихъ начинаетъ сомнѣваться въ собственной силѣ. Сомнѣніе приводитъ мыслителя къ требованію идеала. Послѣдствіемъ этого является раскаяніе и великое состраданіе. (Четвертый актъ).

Смѣшеніе отвращенія со страданіемъ приводитъ, однако, къ катастрофѣ (стр. 8): Бальдеръ въ его душѣ, его свѣтлый идеалъ умеръ. („Богъ умеръ; отъ своего состраданія къ людямъ умеръ Богъ.“ Заратустра. О сострадающихъ). Теперь звонъ новаго горнаго колокола достигаетъ до слуха его творца съ чудовищной силой, и, чтобы онъ не овладѣлъ имъ, колокольный литейщикъ разбиваетъ и это созданіе высотъ („твое возвышенное само устрашитъ тебя, какъ призракъ. „Все ложно!“ — воскликнешь ты когда-нибудь. Есть чувства, которыя хотятъ убить одинокаго; не удастся имъ это, ну, тогда сами онѣ должны умереть.“ Заратустра. О пути творящаго). Этимъ послѣдняя сила мастера истощается. Безсильный видитъ онъ гибель своего творенія, уничтоженіе своей идеи безчувственной толпой. Еще разъ проносятся передъ нимъ два

главныхъ періода его жизни. Тогда уходитъ онъ въ вѣчную ночь, въ ничто. (Пятый актъ).

Закончивъ разборъ книги поэта, спросимъ его:

Является ли судьба мастера Генриха, его паденіе послѣ тяжелой борьбы, необходимою участью каждаго высшаго человѣка въ ницшеіанскомъ смыслѣ? И есть ли, такимъ образомъ, „потонувшій колоколъ“ въ основѣ уничтожающая критика такой философіи? Или должны мы еще ожидать отъ поэта, что, конечно, невѣроятно по существу, вторую часть трагедіи, предметомъ которой будетъ совершенный сверхчеловѣкъ?



0-65

0-65

0 85